

КАЖЕТСЯ, что эта повесть написана от первого лица. В ней бьется такое откровенное, жаркое желание разобраться в том, что обрушила на твою голову жизнь, которое может охватить, только когда сам рассказчик собственной кровью пережил это ошеломление и, не дожидаясь, когда улягутся все впечатления и отстоятся все выводы, торопится поделиться с вами свалившимся на него открытием, наспех предлагает собственные толкования и версии, не очень, может быть, даже настаивая на них, желая только одного — выплеснуть их из себя, оповестить об этом вас, других, всех, потому что все это требует немедленного объяснения, неотложных мер, — ведь все это очень важно. И это действительно крайне важно.

На медведя вышли трое. Старый медвежатник Семен Тетерин. Всемогущий Дудырев — начальник строительства огромного деревообделочного комбината; для Густоборовского района это строительство — целая революция, руководители района с Дудыревым безмерно почтительны. Третий — фельдшер Митягин — человек безропотный.

Пять часов шли за медведем. Когда в поднявшегося зверя устали три ружья, за его спиной послышалась гармоника. Ее услышал только Тетерин. Его крик: «Не стреляй!» совпал с двумя выстрелами. Одним был уложен медведь, другим — молодой парень. Кто убил человека — Дудырев или Митягин? Следствие пулю в медведя не обнаружил. Ее нашел (уже дома, разделяя медведя) Семен и понял: пуля Митягина. Значит, человека убил Дудырев. Надо выручать многодетного Митягина. Именно выручать — потому что следствие явно хочет выгородить Дудырева. Спрятать пулю, — значит, поставить под удар Митягина. Но и Дудыреву Семен не желает зла. И он направляется за решением прямо к нему.

Повествование начинается неторопливо, степенно, как бы боясь раньше времени разрядиться. Но сквозь эту напряженную беспристрастность пробивается тяжелое предчувствие каких-то неиспытанных разладов. Оно приходит сразу, уже от встречи с двумя собаками — с холодно хищной прославленной Калинкой и ее дочерью Малинкой, бесхитрым и добродушным существом. От двух берез — одна могучая, заполнившая листвою и ветвями все небо, другая — в сучьях, которые «словно сведенные судорогой костлявые руки», и ни листочка на них. Это прародительница молодой поросли.

Это отнюдь не глубокомысленные символы или дальновидные параллели. Это — другое. Автору вдруг открылась взаимозависимость самых несогласуемых натур. И желая проникнуть в хитросплетение жизненных корней, он все видит сквозь эту взаимосвязь.

Позже, когда повесть сорвется с плавного течения, завертится в водоворотах, нас не раз остановит нарочитость каких-то эпизодов. Исповедуясь за других, он что-то откровенно подчеркивает то в лоб, не стесняясь риторикой, то косвенно — нажимая фактами. Он не стесняется этих акцентов, не спешит их замаскировать и за них извиниться. Это — прямая речь, а у нее своя интонация. И уже давно забыто им беспристрастие.

Так что же его обожгло? То, что Семен Тетерин, сдавленный обстоятельствами, пулю все же выбросил. Провал Митягина, Спас Митягина Дудырев. Неузависимый в своем авторитете, он отметил шаткие улики против Митягина. Сказал, что виновными могли быть оба. И Митягина оправдал.

В. Тендряков. «Суд». Повесть. Журнал «Новый мир», № 3, 1961.

Набережная.

Фото В. Ахломова

ТАК СЛУЧИЛОСЬ...

Отречение Семена потрясает всех — рассказчика, читателей, самого Дудырева. Уезжая с суда, Дудырев размышляет: «Семен Тетерин! Медвежатник! Казалось, вот олицетворение народа». Рассказчик отнюдь не спешит согласиться с разочарованием Дудырева. Наоборот, он ему возражает, над ним иронизирует: «Он, Дудырев, требует от Семена Тетерина больше, чем от самого себя. Кондовый медвежатник, не растравлен рефлексией, цельная натура, первобытная сила — как не умиляться Дудыреву, окончившему институт, приславшемуся к интеллигенции».

Он его укоряет: «Умилялся и забывал, что он сам строит новые заводы... хочет того или нет, а усложняет жизнь».

Он его учит: «Люди меняются медленнее, чем сама жизнь».

Он дает ему программу: «Мало поднять комбинат... Надо учить людей, как жить».

И, наконец, одаряет философией: «Слепое преклонение не есть любовь. Истинная любовь деятельна».

А с Семеном — расправа. Раздавленный изменой, возвращается он домой. Посылает старуху за самогоном. И тут на него громом рушится авторский приговор: «Нет более тяжкого суда, чем суд своей совести».

Это — то после снисходительного наставления Дудыреву!

В этой повести вас захватят коловращения человеческих судеб, непредугадываемые движения характеров, которые изменяют себе, далеко от себя уходят, снова возвращаются, обретают равновесие и опять бросаются во внутренние водовороты. Захватит их сложное взаимодействие с жизнью. Что в них после долгого сопротивления или прочного союза рухнет, а что устоит? И отчего все это происходит.

Дудырев всегда поступает благородно. Даже в драме на охоте он в конечном счете ведет себя безупречно. Но именно — в конечном счете. И в этом все дело.

Первое движение его души — благородно. Но он ему не поддается. Он его душит. Это стоит ему немалых сил. Но Дудырев неуступчив и властен. Чтобы жить, ему всегда надо чувствовать себя честным. И он постоянно — неотступно и до тошноты — подтягивает себя до своих представлений о честности, а они у него безупречны и бескомпромиссны. Честность для Дудырева отнюдь не устоя, осточертевший, но неизбежный. Это не позиция. И не позерство тем более. Он стремится к ней не потому, что со спокойной совестью удобней жить.

Это стремление — неотъемлемая, пока еще живая часть его души. Это остатки той действительной, естественной врожденной честности, которая

была когда-то присуща ему самому и наверняка была свойственна его нравственным предшественникам. Потом он ее как-то не смог сберечь, растерял. Осталось от нее тоже немало — вот это надсадное стремление к ней.

Тетерин честен без насады, без надрыва, от души, от природы. Ему что ничего не стоит. Ему проще быть честным и человеческим, чем нечестным и нечеловечным. Дудыреву — наоборот. На охоте и во время расследования, то есть там, где жизнь столкнула их прямо, без посредников, Дудырев все время равняется на Тетерина, сознавая или нет, мерит себя по нему. Но он еще не понимает, что даже самое тренированное благородство — очень ненадежный страховщик. Ожесточение, с которым он заставляет себя быть благородным, происходит от неуверенности в своей благородной сути.

Повесть наиболее оптимистична в самом своем горьком месте — в конце, когда криком кричит больная совесть Семена. Это кричат те живые и огромные силы, по которым хочет равняться Дудырев. Значит, могучи эти силы, раз так страшны их терзания. И зря Дудырев спешит в них разочароваться.

Автор хочет притормозить дудыревское разочарование. Он начинает оправдывать Тетерина перед Дудыревым. Но Тетерин не нуждается в оправдании. Он нуждается в прозрении. И не Дудыреву его учить. Не Дудыреву, потому что он все же скрыл правду об убийстве и оставил Семена в ложном убеждении, что правду лучше иногда и спрятать. Не Дудыреву, потому что при его непосредственном попустительстве Семена сбили с толку и он пошел на обман, против совести.

Дудырев решает снести бараки, им самим построенные, и поставить рабочим благоустроенные дома. Решение это приходит под непосредственным впечатлением от беседы со следователем, когда он заставляет себя и следствие посмотреть правде в глаза. В кабинете следователя он ведет себя с честью, потому что помнит Тетерина. Но влияние Тетерина идет дальше, хотя Дудырев этого не осознает: и эти дома, и все лучшее, что он будет делать для людей здесь и на будущих стройках, тоже пойдет от Тетерина и от тетеринского в нем самом. В конечном счете Тетерин строит эти дома.

Так зачем давать обману истреблять эти жизнетворческие силы? В этом истреблении — самоубийство Дудырева, он подрубает сук, на котором сидит, — ведь его деятельность лишает своего первоначального смысла, изживается то, по чему он хочет равняться. Идя на обман, соглашаясь с полуправдой, Дудырев пускается на браконьерство самого преступного толка.

Тендряков не рассказывает о суде. Он участвует в нем. Роль беспристрастного свидетеля, которую он поначалу выбрал, очень быстро показалась ему тесной. И он стал сам вершить суд. Эта смена ролей не прошла для повести безболезненно. Зато открылся еще один современный характер. Со своей горячностью, пристрастиями, противоречиями, исканиями автор сам стал героем собственной повести.

И. БОРИСОВА